

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111.1:81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33; 16.01.09

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Н. Г. Юзефович N. G. Yuzefovich
Хабаровск, Россия Khabarovsk, Russia

**ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫЙ СУБСТРАТ
НОМИНАЦИЙ СЧАСТЬЕ И ТОСКА
В РОССИИ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА
В СТАТЬЕ ШЕЙЛЫ ФИЦПАТРИК**

Аннотация. *Анализируется исторический очерк Ш. Фицпатрик, известного слависта, исследователя микроистории, в котором доказывается, что обозначения эмотивных состояний в предвоенной России неизбежно идеологизировались. Идеологизированный субстрат объективируется в контексте дискурсивной практики «маленького человека» (воспоминания, мемуары и пр.).*

Ключевые слова: идеологизированность; идеологизированный субстрат; эмотивное состояние «счастье»; эмотивное состояние «тоска»; микроистория.

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: natalia.yuzefovich@rambler.ru.

**SHEILA FITZPATRICK ON THE
IDEOLOGICAL SUBSTRATUM OF SUCH
NAMES OF EMOTIONS AS HAPPINESS AND
TOSKA IN PRE-WAR RUSSIA**

Abstract. *The paper analyzes a historic essay of a well-known scholar Sh. Fitzpatrick, an expert on Stalinist times. Her approach is mainly microhistoric: analyzing a "little person" diaries, memoire, informal discourse the scholar comes to the conclusion that even emotions were under control of Soviet ideology. Thus the names of such emotional states as "happiness", and 'toska' acquired ideological substratum, fore-grounded in the context of informal discourse.*

Key words: ideological association; substratum; emotive state 'happiness'; emotive state 'grief' ('toska'); microhistory.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology and Cross-Cultural Communication.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Среди западных славистов одним из наиболее признанных специалистов по истории России сталинского периода считается Шейла Фицпатрик, которая представляет второе поколение так называемых «историков-ревизионистов» и, по сути, является их лидером.

По убеждению ученого, историю общества можно и нужно изучать «снизу», как историю жизни простого человека (*a "little person"*), а не как «макроисторию», т. е. политический дискурс государственного аппарата. В центре внимания исследовательницы находятся социальные и культурные аспекты советской истории сталинского периода, влияющие на образ жизни и быт простых людей, отражающиеся в их мировоззрении, идентичности.

Такой подход не означает отрицание значимости громадного влияния Советского государства, его идеологии на Россию 1930-х гг., однако исследование «истории общества без политики» как «истории социума» (*social history*) поддержки многих славистов практически не получило. Историографические работы по «микроистории»,

раскрывающие повседневную жизнь «маленького человека», показывают со всей очевидностью влияние идеологии государства в лице «большого человека» на каждого жителя.

«Микроисторический подход» к историографии Ш. Фицпатрик обосновывает в своих фундаментальных исследованиях. Так, во «Введении» к историографии *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* [Fitzpatrick 2000], известной в русском переводе как «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» отмечается: «Существует множество теорий насчет того, как надо писать историю повседневности. Некоторые подразумевают под „повседневностью“ главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения. Другие в первую очередь рассматривают жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Исследователи повседневности в условиях тоталитарных режимов часто сосре-

доточиваются на активном или пассивном сопротивлении режиму, и целый ряд работ о жизни крестьян ставит во главу угла „повседневное сопротивление“, имея в виду те житейские способы, с помощью которых люди, находящиеся в зависимом положении, оказывают неповиновение хозяевам» [Фицпатрик 2008: 7].

Историографические работы Ш. Фицпатрик иллюстрируют значимость антропоцентрической парадигмы для научных исследований: история отражается в языке, языковые явления следует рассматривать «от человека», в социально-историческом контексте, где посредством языка объективируется «национальное сознание». Такое понимание языка связывают в первую очередь с концепцией классика лингвистической науки В. фон Гумбольдта: язык есть «национальное сознание», актуализируемое в «языковых значениях» [Гумбольдт 1984: 314].

В анализируемом очерке «*Happiness and toska: an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia*» [Fitzpatrick 2004] ученый обращается к воспоминаниям, выступлениям на церемониях награждения, мемуарам простых людей. Она предпринимает попытку доказать, что даже такие личностные эмотивные состояния, как «тоска» и «счастье», переживаются «маленьким человеком» в контексте идеологии Советского государства сталинского периода.

После смерти В. И. Ленина проводилась политика возвеличивания И. В. Сталина, что отражалось в политических лозунгах и клише. Так, прилагательное «советский» в разнообразных словосочетаниях, популярных в официальной риторике, постепенно было вытеснено прилагательным «сталинский». Соответственно постепенно варьировалась и семантика единицы «советский»: понятие «общегосударственный» отошло на задний план, и основным стала реализация значения «сталинский».

Советская власть ставила своей задачей формирование «нового советского человека», человека с коммунистическим мировоззрением. Этим объясняется тот, на первый взгляд странный с позиции современности, факт, что даже многие репрессированные люди считали себя жертвами чьих-то ошибок, о которых Сталину ничего не известно. Они верили в коммунистическую идею и в то, что личное счастье возможно только при социализме, при строительстве коммунизма.

В результате такого идеологического воздействия личные эмоции, чувства, переживания постепенно исчезали, менялась личность «маленького человека», который

стал воспринимать «государственное» как «личное»; при этом «личное» оказывалось возможным только в контексте соответствия идеологии государства.

Постепенно идеологизировались эмотивные состояния, переживания личности, что способствовало формированию идеологизированного субстрата, под которым понимается своего рода «концентрат, сгусток идеологии», актуализируемый в социально-историческом контексте и потенциально свойственный любому семиотическому знаку (гимн, марш, атрибутика и пр.).

Анализ объективации идеологизированного субстрата номинаций эмотивных состояний советского человека сталинского периода — периода возвеличивания И. В. Сталина — дает ключ и к пониманию тех наших современников, которые не желают ни признавать пороков общества того периода, ни обвинять в этом прежних руководителей, власть.

Именно сталинская риторика пронизывала понимание состояния высшего блаженства — *счастья* — в неофициальном общении простых людей предвоенной России. Даже в личных записях, в дневниках, «маленький человек» понимал, что счастье невозможно без социализма: «*Happiness (schast'e) was the name of the emotional state that, according to received Stalinist discourse, socialism was bringing or would bring to each Soviet citizen*». / Счастье — это такое эмотивное состояние, доступное каждому советскому гражданину при социализме.

Эфемерность такого счастья понимает Ш. Фицпатрик: «*At some future time, it was implied, this emotional state would be universal and permanent*». / «Когда-нибудь, в будущем такое состояние станет всеобщим и постоянно осознаваемым».

У русскоязычного читателя, часть жизни которого связана с советским периодом, процитированная фраза наверняка вызовет в памяти идеологически созвучный популярный лозунг поствоенного периода: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» (завершающая фраза Третьей программы КПСС, 1961 г.).

Ученый подчеркивает в статье, что в сталинский период советским гражданам было сложно в полной мере осознать идеологизированное эмотивное состояние *счастье*: «...happiness as officially construed was hard for Stalinist citizens to express convincingly, for the same reasons as it has always been hard for living, sinful human beings to understand the kind of happiness that Heaven will offer the saved». / «Понять в полной мере, что представляет собой созданное офици-

альным дискурсом понятие „счастье“, было нелегко, равно как осознать нам, простым грешникам, что такое „состояние счастья“, которое ждет всех спасенных на небесах».

В англоязычном контексте содержится аллюзия на песню Армии спасения (Salvation Army) о замечательной жизни в чудесном мире, на небесах: *We will live by and by in that glorious land in the sky.*

Естественно, что осознание идеологически обусловленной замены трактовки понятия «личное счастье» на «счастье в службе государству» возможно только с позиции современности. В предвоенной России понятие «счастье» не связывалось с личным благополучием — это было асоциально и аполитично. Постепенно номинация усиливала свой идеологический потенциал, закрепляя «культурную память» данного периода. «Слово вмещает в себя, накапливает и хранит знания об окружающем нас мире, оно коллективная память носителей языка, „памятник культуры“, зеркало прошлого и настоящего нации, ключ к пониманию уклада, образа жизни соответствующего народа» [Верещагин 1982: 93].

Основой объективации идеологизированного субстрата в слове «счастье» представляется провозглашение принципа коллективизма как антагонистичного индивидуализму — пороку буржуазного общества.

Объективным подтверждением формирования идеологизированного субстрата являются дефиниции в советских лексикографических изданиях, которые нередко носили прескриптивный характер, фиксируя не наивную языковую картину мира, а идеологизированную, основанную на принципах марксизма-ленинизма.

Так, в «Большой советской энциклопедии» в дефиниции слова «счастье» подчеркивалась значимость «борьбы за переустройство общества, за осуществление идеалов коммунизма», что противопоставлялось личному счастью как проявлению эгоизма: «...стремление человека исключительно к личному счастью в отрыве от общественных целей вырождается в эгоизм, который попирает интересы других и морально калечит человеческую личность. Сознательное служение людям, революционная борьба за переустройство общества, за осуществление идеалов коммунизма, за лучшее будущее для всего человечества наполняют жизнь человека тем высшим смыслом и дают то глубокое удовлетворение, которые приносят ему ощущение счастья» [Большая советская энциклопедия 2006].

В постперестроечный период лексикографы получили право отражать в словар-

ных определениях не идеологизированный субстрат, навязываемый «сверху», а наивную языковую картину мира, и ряд идеологизированных ранее дефиниций был изменен.

Например, в «Большом современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой в толковании понятия «счастье» выделено эмотивное состояние личности, его личные чувства, которые не преломляются через призму государственной идеологии: «...состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости. 2. Успех, удача. О состоянии, когда очень хорошо» [Ефремова 2006].

В России сталинского периода такое определение могло быть возможным только при уточнении, что *такое состояние достигается исключительно при социализме.*

Официальная риторика данного периода актуализировала значимость «служению делу коммунизма», манипулируя сознанием простого человека, и в результате «маленький человек» воспринимал состояние радости как личное только в ситуации трудового энтузиазма и т. д. Это не означает, однако, что результатом идеологизации всего общества была «зашоренность» всех граждан страны; сомневающихся и несогласных отпоявляли в ГУЛаги.

Идеологизированность номинации «счастье» в русском языке сталинского периода маркируется в анализируемой статье в первую очередь непосредственно на уровне вербального знака.

Описывая эмотивные состояния «маленького человека» в сталинский период, ученый неоднократно использует транслитерацию *schast'e* параллельно со словом *happiness*, выделяя тем самым вариативность семантики номинации «счастье» при ее переводе на английский язык. Англоязычный читатель, не знакомый с реалиями советского периода, воспринимает слово *happiness* как обозначение ощущения удовольствия, радости, удовлетворения:

«Happiness, the state of being happy.

Happy, a feeling or showing pleasure and contentment» [Longman Culture 1998: 600].

Данное толкование, как было отмечено выше, созвучно языковой картине современного русскоязычного мира.

Противоречивость русского человека выражена, как показано в статье Ш. Фицпатрик, в определенном соединении двух, на первый взгляд, антагонистичных эмоций. Ученый отмечает, что анализ эмотивного состояния «счастье» неожиданно показал почти постоянное соединение типичных выражений счастья с эмотивным состоянием

«тоски». Это наблюдение подтверждает выводы лингвистов о субъективности языкового значения, определяемого опытом «взаимодействия в социуме» [Колмогорова 2012].

Сочетание эмотивного состояния «счастье» и эмоции «горе/печаль/тоска» с точки зрения представителя англоязычного мира представляется невозможным, что говорит о разнице мировосприятия контактирующих в данном случае лингвокультур.

Объективация эмоции «тоска» эквивалентным вербальным знаком английского языка не представляется возможной, что понятно уже из заглавия очерка, где используется транслитерация *toska*, которая неоднократно повторяется и в тексте.

Ученый подчеркивает, что риторика официального дискурса не соединяла такие разные понятия, акцент делался на пропаганде счастья, если можно так сказать, — при этом в неофициальном общении «маленький человек» выражал эмотивное состояние счастья, используя в этом же контексте и его антоним — «горе» (*gore, pechal'*): «For Agrippina Korevanova, happiness and sadness were mingled on the great day when her lifetime of hard work was recognized»... / «Счастье и печаль смешались в ощущениях Агриппины Коревановой в тот великий день ее жизни, когда ее упорная работа получила признание»...

Истоки сочетания таких, с точки зрения Ш. Фицпатрик, неоднородных понятий находятся в глубинных пластах русской культуры, что подтверждается паремиями, например: *горя бояться — счастья не видать*.

Как одно из проявлений выражения горя ученый рассматривает состояния, не обусловленные какими-либо событиями, такие как «меланхолия и сильное томление, которое по-русски называется тоска, что близко по смыслу немецкому понятию *Weltschmerz*» («the non-event-related melancholy and yearning that in Russian are called *toska*, close to the German *Weltschmerz*»).

Противоречивость осознания «маленьким человеком» состояния «тоска», как и состояния «счастье», в отдельных социально-исторических контекстах говорит о том, что личные эмоции и переживания полностью не исчезли, не идеологизировались. В статье приведено интересное с этой точки зрения письмо девушки, которую родители заставляют петь в церкви, но она и ее друзья изо всех сил стараются быть настоящими комсомольцами и пионерами, однако церковь так затягивает, особенно пение, — «такая тоска». И девушка обращается к Сталину с просьбой закрыть церкви: «Dear comrade Stalin, be a good father, satisfy our re-

quest, close the church <...> I will say just one thing, going to church, even under compulsion, really sucks you in <*zatiagivaet*>, the singing especially has an effect, so sad and enfeebling». / «Дорогой товарищ Сталин, отец наш справедливый, пожалуйста, выполни нашу просьбу, закрой церковь ... спаси молодежь от этой заразы».

В статье приведено немало примеров осознания счастья в предвоенной России в виде ожидания его в будущем, как предвкушения, но не реальности.

Так, анализируя воспоминания тех, чья молодость пришлось на 1930-е гг., Ш. Фицпатрик отмечает, что для них состояние «счастье» представляло собой реальность в смысле ожидания чудесного счастливого будущего: *...the memoirists describe the experience of present happiness based on a sense that something wonderful was waiting in the future*.

Такое восприятие счастья утверждалось в сознании людей и в последующие периоды: *вся жизнь впереди, надейся и жди*, как поется в популярной советской песне.

Достоверность исследования Ш. Фицпатрик подтверждается ее обращением к разнообразным эмпирическим источникам; ряд положений и выводов иллюстрируется примерами из русской литературы.

В отечественной лингвистической науке известность получили труды Анны Вежбицкой, в которых она сопоставляет культуры посредством лексики, анализируя ключевые слова, в том числе и *грусть* [Вежбицкая 2001: 23—30]. Однако задачу выделения идеологического субстрата данной номинации она не ставит, это возможно только при соединении историографического материала и лингвистики.

Суммируя вышесказанное, отметим, что исследования зарубежных славистов, в частности Ш. Фицпатрик, позволяют нам увидеть и понять «маленького человека» из относительно недавнего прошлого нашей родины. Восприятие внешнего наблюдателя, ученого, взгляд «со стороны» помогает также осознать отдельные точки соприкосновения и расхождения между нашими культурами, что непременно будет способствовать взаимопониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. 1970—1977. Версия Lingvo x3. — М., 2006.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова. — М., 1982.

4. Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1984.

5. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. Версия Lingvo x3. — М., 2006.

6. Колмогорова А. В. Языковое значение как синергетическая система // Научное мнение. 2012. № 9. С. 61—67.

7. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. — М. :

Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

8. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — N. Y. : OUP, 2000.

9. Fitzpatrick Sh. Happiness and *toska*: an essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia // Austral. Journ. of Politics and History. 2004 (Sep). URL: <http://findarticles.com/p/articles>.

10. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Longman, 1998.